

Александр Лавут. Фотография из личного дела заключенного

03.06.2016, 11:40 [Вся Россия](#)

ДОКУМЕНТЫ

«Экстремисты хотели еще кружки»

Следующий ниже текст, посвященный этапу заключенных начала 1980-х годов, был опубликован в бюллетене радио «Свобода» № 6 за 1982 год. АС № 4569. Публикация была осуществлена по фотокопии оригинала письма. Где находится оригинал письма — неизвестно. В семейном архиве он пока не обнаружен, подробностей получения письма родственники не помнят и не знали об этой публикации. Текст был предположительно датирован 1981 годом. При установлении авторства письма была проведена выборка подходящих кандидатур из «Хроники текущих событий» (севших по статье 190–1 УК РСФСР (распространение

заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй) в Москве в начале 1980-х, тех из них, у кого была кассация в Верховном суде РСФСР). Таких оказалось 5–6 человек. Авторство было установлено по личному делу заключенного **Александра Павловича Лавута**, из которого ясно, что у него была кассация, он был этапирован из Бутырской тюрьмы и притом в воскресенье. Пропуски в тексте сделаны неизвестным составителем.

Александр Павлович Лавут (1929–2013), математик, общественный деятель (Москва). Член Инициативной группы защиты прав человека в СССР (1969). Руководил изданием «Хроники текущих событий» (1979–1980), единоличный составитель 31-го выпуска, целиком посвященного крымским татарам. Арестован 29 апреля 1980 года по статье 190–1, содержался в Бутырской тюрьме. Де-факто следствие вели сотрудники КГБ, а не прокуратуры Москворецкого района, в ведении которой формально находилось дело. Приговор был вынесен 26 декабря 1980 года Московским городским судом — 3 года лагерей общего режима. Кассация была рассмотрена Верховным судом РСФСР 14 апреля 1981 года, приговор оставлен без изменений. Отбывал срок в лагере ЯБ-257/16, Хабаровский край, Солнечный район, пос. Хурмули. За день до конца срока против Лавута было сфабриковано новое дело по статье 190–1, и в октябре 1983 он был приговорен к 5 годам ссылки (отбывал в поселке Чумикан Хабаровского края, срок ссылки закончился в декабре 1986 года). В 1990–2000-е — член Совета Правозащитного центра «Мемориал».

Публикация текста подготовлена для ОВД-Инфо историком Алексеем Макаровым.

ЭТАП

(Очерк составлен по письму одного заключенного)

...«Законку», т. е. определение Верховного суда, я получил... -го и стал ждать отправки на Пресню[1]. Однако дернули (взяли на этап — сост.) меня в воскресенье (чего не бывает), и сразу в воронку, ехавший на вокзал[2]. На Пресню он заехал только за «нормальной» партией. Из Бутырок же нас было только двое. Мой попутчик — подследственный, после Сербского[3] (Институт судебной психиатрии — сост.), для таких этап прямо из Бутырок — нормальная вещь. Он, хоть и молодой, оказался человек бывалый, где только не бывал и кого только не знал. По совокупности биографических сведений и прочих подробностей — не иначе как мой личный попутчик, тем более, что его «дело» (о нем, как и свою биографию, он рассказывал, я уверен, правду) было устроено всемогущей Галиной Борисовной (ГБ — сост.), имевшей на него зуб (как на своего), и, по его же рассказу, дело это могло окончиться либо 4 годами, либо освобождением уже в... (через 2 месяца — сост.). Надо думать, он выбрал второе. Никаких претензий лично к нему у меня за это нет, он не был назойлив в расспросах и предложениях помочь, скажем, с письмами. От последних я уклонился... Вел он себя дружественно (причем искренне — это видно обычно), в некоторых ситуациях вступался за меня.

Направление я узнал еще в воронке (оно написано на сопроводилровке, наклеиваемой на запечатанный конверт с делом. [...])

...В ранних письмах я высказался насчет недооценки мной широты души Галины Борисовны в отношении географических широт и, конечно надо было добавить, долгот[4].

[...] Теперь опять постараюсь по порядку, с небольшим возвратом. Шмонали (обыскивали — сост.) в Бутырках меня очень тщательно — наверное, целый час (торопиться некуда я ведь один), результат почти нулевой — сержант отобрал цветные стержни и дал совет: бумаги (штук 20 исписанных тетрадей) все сжечь — «не мужское это дело, всякая писанина». Я возразил: «Не мужское дело, чтобы за подобную писанину сажали только женщин» [5]. Боюсь, что мы друг друга не поняли, но я, во всяком случае, остался шмоном доволен. Вот только мешок остался таким же огромным (как большой рюкзак), что на всех этапах большого пути вызывало разнообразные комментарии — больше юмористические, но порой и торговые или хищнические побуждения. При одном из последнего типа (в «этапке» Н. [6]) мой чичероне и вступился на ранней фазе, т. е. когда еще расспрашивали — куда, на сколько. «Гнилой разговор, пацаны, этот человек за нас сидит, за то, чтобы с нами не обращались, как со скотом». Чуть позднее эти же (они ехали на «крытку» (тюрьма — сост.)) призвали публику дать им кто что может. Я кое-что дал, сказали — мало, на том дело и кончилось. Сейчас мешок уже похудел, но еще «имеет вид».

3-й возврат к «по порядку».

В «столыпин», стоявший где-то на путях [...], нас завезли вечером, часов в 7, и до 2 ночи мы то стояли, то слегка дергались туда-сюда (все это время, конечно, без уборной), пока не прицепились [...] и поехали в Н. «Столыпин» описан-переописан, но все же пару слов. Первое впечатление — лучше, чем представлял: чистенько, линолеум на полу, серая краска. Решетка, отделяющая купе-камеры от коридора — не ржавые прутья в клетку, а сварена из изящных волнистых прутиков — прямо, как ограда какой-нибудь виллы. Решетка на окнах (коридора, в купе окна нет) — и вовсе вроде декоративной и имеет просвет, чтобы открывать (немного опускать) окно. Это

открывание — третья по значимости и частоте тема ругани или ласковых переговоров с конвоем (I — уборная, II — вода). Внутри купе отличается от обычного тем, что от одной из полок второго яруса откидывается доска, перекрывающая промежуток, так что II ярус — сплошные нары на 4-х, а то и на 5-х. Эта доска короче полки, и возле двери получается люк — слезать и залезать. III ярус — 2 нормальные полки. Норма — 12 человек: 6 лежат наверху, 6 сидят, полулежат внизу. Это вполне терпимо, люди меняются местами. Но бывает и 20.

Посадка в «столыпин» идет очень быстро, могут и подпихнуть. Новички начинают сразу располагаться, разуваться и пр., их останавливают более бывалые. Где-нибудь через полчаса начинается рассаживание — по режимам и отметкам на деле, если таковые есть. Выкликают фамилию, надо ответить имя, отчество, год рождения, статью, срок и — с вещами в указанную камеру. Общий режим едет вместе с «химиками»^[7] (даже если они из лагеря строгого режима), подследственные должны, конечно, быть отдельно, но в нашем купе это не было соблюдено (кроме «моего», был еще один).

В купе нас оказалось 15, все до Н. и дальше [...]. Все 2 суток жили мирно и даже весело. Одно из развлечений — писанье в полиэтил. пакет, когда невтерпеж дожидаться «оправки», долженствующей происходить каждые 4 часа, но происходящей нередко только после длительного «хипеша». Пакет, конечно, рано или поздно начинает протекать. Ближе к Н. стали подсаживать местных, так что к концу нас было 18. В Н. простояли в «столыпине» с 2 часов ночи до 10 утра, когда подали воронки.

Эта процедура тоже хорошо известна: выпрыгиваем, садимся на корточки по 3 в ряд, солдаты с автоматами, собаки, «Конвой стреляет без предупреждения», «Бегом к машинам».

Приемка в Н-ской тюрьме идет грубовато, но как-то небрежно (не то в НН^[8]). Шмона, по сравнению с Бутыркой, можно сказать, что и нет (я, например, снимал всего 1 сапог из всей одежды), к тому же шмон — после сдачи вещей в камеру хранения, т. е. только того, что приносишь в камеру. Но вот камера — это да. Только здесь я впервые по-настоящему понял, что я в тюрьме.

Полумрак, маленькое окошко под потолком забрано настолько густым наружным жалюзи («ресничками»), что видно только — день или ночь.

Около 50 м² — лампочка 40 или 60, стены сплошь заляпаны давленными клопами. Разбитый унитаз и протекающая раковина, пол деревянный, но сначала кажется земляным. Сплошные нары по 2 стенкам (2 этажа) на 40 мест, при мне (за 4 дня — сост.) было от 60 до 110 чел., и это, говорят, не предел. Против правил ни матрас, ни ложка-кружка не выдаются. Спят на телогрейках. Многие спали на полу или на нарах по очереди. Кормежка, мало того, что без жиринки и малосъедобна, наливается на полнормы. Сговорились потребовать минимум: ложки (экстремисты хотели еще кружки, но большинство не рискнуло заходить так далеко) и полной нормы. В воскресенье с утра отказались брать пищу. Прибежал дежурный по корпусу. «Без ложек есть больше не будем». Баландёр (раздатчик пищи — сост.): «Да вы никогда не просили, вот вам 20 ложек». — «Это нас не устраивает». — «А почему не забираете пайки (хлеб) и сахар». — «Потому что неполные, и сахар (песок) баландер тоже недосыпает. Недоливает и баланду». Очень скоро прибежал дежурный пом. нач. тюрьмы подполковник М. (ввиду воскресенья — самое большое начальство) и еще несколько офицеров. М. начинает грозное следствие (все, конечно, матом), но и производит некоторые успокоительные действия (отправляет дежурного по камере с одним из офицеров проверять вес паек). Тот докладывает: все в норме — буханки режутся

пополам на глаз, поэтому кое-какие имеют небольшой недовес, другие — перевес. «Ну, берете пайки?» Молчание. «Кто недоволен советской властью, забирайте вещи и выходите». Все время явно пытается сообразить зачинщиков. Ну, один довольно ясен: он больше других и первым формулировал требования — некий С. Его выволакивают, двух дежурных. Хватают и меня за рукав, но М. приказывает — «этого в сторону». На этом пока следствие заканчивается. Снова спрашивают, берем ли пищу. Я говорю: «Верните этих троих в камеру, и пусть раздача происходит под надзором администрации, чтобы баландер клал полной нормой». В этом же духе еще несколько выкриков. Условия принимаются. С., вернувшись, говорит, что его только пару раз ткнули кулаками. Выдается 41 ложка (на 70 человек, но еще есть штук 10 своих), сахара и каши действительно оказывается раза в 1,5 больше обычного. В обед — то же самое, только ложек уже 35. Ужинал я уже в «этапке» (где, напомнив баландеру — другому — об утреннем происшествии, получил 10 ложек человек на 15). Там же, в «этапке», от приведенных позднее из других транзитных камер (соседних) услышал, что вечером... -ю камеру (т. е. мою) вывели в коридор, посадили на корточки и надзиратели били их палками. Не знаю точно, была ли это прямая месть за утренний бунт или было еще что-нибудь. В пользу первой версии такой разговор. Когда вечером следующего дня выкликали уже тех, кто идет на НН., и дошла очередь до меня, руководивший этим мероприятием капитан (он был в камере накануне), внимательно на меня посмотрев, сказал [...]: «Грузину вашему по... дали, надо было и тебе. А почему нестриженный? Остаешься, на этап не пойдешь!» (Ввиду отправки меня из Бутырок в воскресенье, когда парикмахеры-зэки выходные, меня там наголо не остригли, а может, и вообще об этом не заботились, т. к. обычно это делают на Пресне). Однако минут через 5 выкликнул снова (дело мое было открыто, еще не запечатано в конверт для этапа), сказал: «А ты...

оказывается, х... мужик», и велел присутствовавшему, оказывается, там парикмахеру остричь меня. Но тем дело и кончилось. Во время этих действий и слов я, конечно, кое-что вякал, но, каюсь, до высот ПЗК (т. е. что-нибудь вроде «не смейте тыкать и материться») не поднялся.

В защиту советской власти: Н-ская пересылка — «центральная», на ней очень большая нагрузка (к утру в «этапке» было уже человек 70, потом приводили еще и еще и отправили за день — наша была последней — штук 10 партий в разных направлениях). Поэтому ремонтировать камеры, пополнять запасы ложек, следить за баландерами, а также прививать хорошие манеры прапорщикам, капитанам и подполковникам никак не успеть. Дубинки же у «веселой команды» по-видимому, печальная необходимость (соответствующие органы в Бутырках обходятся кулаками), вызванная разношерстным контингентом.

2 суток до НН. были уже «обычными», разве что довольно часто высаживали и забирали — в основном, едущих на суды или после суда на ближние зоны. Народу в купе было сначала 16, потом упало до 7 (бывает и такая роскошь), потом, к НН., дошло до 10. Вместо ненадежного полиэтилена в углу под койкой стоял основательный сосуд — резиновый сапог. Им заведовал (т. е. выносил при «оправках») «химик» по кличке «монах» — псаломщик из церкви г. В., осужденный по ст.206 ч.2 («злостное хулиганство» — сост.) — избил, пьяненький конечно, контролера в автобусе. Он сообщил мне доверительно, что он действительно монах, только тайный, а также, что не только он грешен — священник из церкви с. С. сидит по ст.89 (кража гос. имущества) — украл в своей церкви ковер, чашу, свечи и миро. Оклад ему был 500 р., но очень уж много пил — не хватало. Часть моих спутников была занята бурным романом в письмах с зэчками-«малолетками» (их переводили во взрослую колонию). Я же в основном отсыпался после Н.

В НН. нас на корточки не сажали, а сразу бегом к воронкам под лай всего одной, правда, но неутомимой овчарки. Порядки здесь иные. И обращение, и «интерьер» — сразу «ставят на место». И при первоначальной «приемке» — до сдачи вещей и шмона оставшихся — и потом распоряжаются женщины, хотя тут немало и ментов (чинов МВД — сост.) мужчин. Просто прелесть, что за стервы — лет 30–35, ладные, стройные, хорошо причесанные, голос вот только чуть с хрипотцой: «Мужики! Кого называю, быстро подходить, говорить имя, отчество, год рождения, статью, срок — и в коридор, строиться по 2. Все построились? Повернуться лицом к стене! А ты что, блядь, не понял? А ну, быстро, яйцами к стене!» На шмоне здесь свои порядки — изымаются полиэтиленовые пакеты, ручки и стержни. Я попробовал отстоять ручку (слышал об этом в «столыпине», но не учел — не кинул в мешок). «У нас нельзя, у нас тюрьма категории «А». Непонятно, но убедительно. В баню ведут какими-то узкими подземными коридорами, едва освещенными, то и дело спотыкаешься. В Н. баня довольно просторная и душ идет долго — минут 15. Здесь — тесно и мыться минут 6–8. Но я успел все-таки помыться и постирать трусы, слегка пострадавшие в неравной борьбе с конвоем за оправку. Камера после Н-ской показалась роскошной. «Реснички» редкие — солнце через них идет вовсю. Гораздо чище. Вместо нар 5 2-этажных коек, правда, население — 29 (вместо 10). К еде дают ложки, а еда сытнее и полнее Н-ской. В общем, дом отдыха. Только вот ментовские нравы: дежурный надзиратель... врывается: «Прогулка!» Люди начинают вставать (весь почти пол застлан матрасами, которые здесь выдают прибывшим, почти все лежат). Менту кажется, что это делается слишком медленно, он хватает сапог, бьет им кого-то рядом с собой, швыряет в кого-то, кто подальше. Лично я пострадал только тем, что так как сапог оказался мой, то я обулся и вышел в коридор последним, почему мне было поручено нести «тузик» —

мусорное ведро — не в наказание, а как замыкающему колонну.

В первый же день... меня вызывают сдавать матрас и в баню (к этапу). Я поразился такому везению (пройти пересылку за 1 день!), но оказалось, что в отличие от прочих НН-ская пересылка готовит к этапу загодя — за сутки, а то и за 2. Так что ночь мне все-таки пришлось переспать — один парень любезно предоставил мне $\frac{1}{2}$ своей койки. Почти на всех койках спали по двое и на полу, конечно, тоже — к ночи в камере еще оставалось 26 человек и примерно 20 матрасов. На следующий день я действительно отправился. Везение все-таки было — 2 дня — это тоже прекрасно, и вдобавок я попал на спецэтап НН. — К.[9], т. е. миновал, по крайней мере, 1 пересылку. ... К тому же этот этап с почти постоянным населением (в нашей камере все — до К., и никого не подсаживали) и нормальной загрузкой — по 12 человек. И в тюрьмах, и на этапе есть еще кое-что занятное, но я устал... да боюсь надоесть вам.

... Как я по всем вам скучаю! Скорее бы пошли письма, скорее бы свидание.

Крепко-крепко целую. Приветов не перечисляю, потому что не могу объять необъятное.

[1] Текст определения Верховного суда РСФСР Лавут получил 5 мая, отправлен по этапу 10 мая 1981 года. «Пресня» — СИЗО № 3, в прошлом Пресненская пересыльная тюрьма.

[2] Обычный порядок требовал отправки из пересыльной тюрьмы, т. е. из Краснопресненской. Прямой этап из Бутырской тюрьмы — вещь экстраординарная! Последнее местопребывание Александра Лавута в Бутырской тюрьме — 309-я камера, в которой позже находился Сергей Магнитский.

- [3] Т. е. после проведения судебно-психиатрической экспертизы.
- [4] Александр Лавут прибыл в лагерь 6 июня 1981 года.
- [5] Лавут имеет в виду правозащитниц Татьяну Великанову (в августе 1980 года осуждена на 4 года лагеря и 5 лет ссылки) и Татьяну Осипову (осуждена в апреле 1981 года на 5 лет лагерей и 5 лет ссылки).
- [6] Путь Лавута пролегает по Транссибу. Н. — Кировская пересылка. Часть заключенных потом поехала в вятские лагеря.
- [7] «Химия» — неофициальное название одной из форм наказания в советском исправительно-трудовом законодательстве. Осужденные должны были принудительно работать (вместо лагеря) на заводах и стройках и жить под административным надзором в специальных общежитиях.
- [8] Новосибирская пересыльная тюрьма. О нравах там см. публикацию ОВД-Инфо [«Если об этой истории не узнают все — чего мы будем стоять тогда!»](#).
- [9] Вероятно, Новосибирск — Красноярск (минуя Томск).